

Психология

УДК 159.923.2(045)

Л.Я. Дорфман

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ТРЕНД В ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНСТРУКТА «Я»

Выполнен обзор исследований конструкта «Я» с позиций целостного познания человека. Это обусловлено тем, что конструкт «Я» как целое изучен недостаточно и он не рассматривался ранее в сравнении с подходами, которые игнорировали «Я» как структурированное целое. Новизна исследования заключается в том, что впервые показаны представления об интеграции как последовательном движении в сторону понимания конструкта «Я» как целого, с одной стороны, и преодолении упрощенных и разрозненных взглядов на «Я», с другой. По результатам анализа зарубежных и отечественных исследований выделяются три направления в исследованиях конструкта «Я»: унитарное, дифференцированное, интегративное. Унитарное направление рассматривает «Я» как целое и далее неделимое. Дифференцированный подход ориентируется на выделение компонентов «Я», но упускается из поля зрения их взаимосвязи. Перспективным является интегративный тренд, который позволяет преодолевать уязвимость унитарных представлений о «Я», а также дополнить дифференциацию представлениями об интеграции его компонентов. Предлагается понимать интегративное «Я» как наиболее перспективное в исследованиях конструкта «Я». Этот подход обеспечивает снятие разобщенности его моделей, которые возникают в ходе унитарных и дифференцированных взглядов на «Я». На основе интегративного «Я» развиваются представления о целостном «Я».

Ключевые слова: конструкт «Я», унитарное «Я», дифференцированное «Я», интегративное «Я», Я-система, целостное «Я».

DOI: 10.35634/2412-9550-2024-34-2-130-138

Введение

В ряде работ показано, что развитию интегративных взглядов на конструкт «Я» противостоят несколько влиятельных тенденций.

Во-первых, в зарубежной психологии вместо того, чтобы изучать единое «Я», его дробят на множество «Я». За последние примерно 50 лет в зарубежной психологии были обнаружены десятки разновидностей «Я». Самооценка, самоуважение, самоутверждение, самоконтроль, верификация Я, Я-расхождения, идентичность – лишь краткий перечень огромного множества «Я», открытых психологами [14; 16; 18].

Во-вторых, интеграции в конструкте «Я» противостоит взгляд на него как далее неделимого и недифференцированного [6; 27; 28].

В-третьих, интеграции в конструкте «Я» противостоит тенденция дифференцировать его на компоненты [32].

Исследования конструкта «Я» выполняются и в отечественной психологии [1; 3; 4; 7; 8]. Однако проблема собственно интеграции компонентов в целое «Я», за редкими исключениями [4; 14], остается вне поля внимания исследователей.

В статье предпринята попытка выполнить совместный анализ исследований «Я» как унитарного, его дифференциации, перспективы интеграции и движение в сторону целостности.

Постановка проблемы

Несмотря на многочисленные исследования, конструкт «Я» изучен недостаточно в интегративном ключе, и он не рассматривался ранее в сравнении с подходами, которые игнорировали «Я» как объединение его компонентов. Представления об интеграции конструкта «Я» можно понимать двояко. Во-первых, подразумевается интеграция как необходимое условие понимания целостности «Я». Однако связь интеграции с целым применительно к конструкту «Я» недостаточно осмыслена. Во-вторых, интегративный тренд позволяет преодолевать упрощенные и разрозненные взгляды на «Я». Однако работы в этом русле выполняются в наименьшей степени и нуждаются в дополнительных исследованиях.

В связи с этим предлагается новый взгляд на проблему. Она выражается в том, что рассматриваются совместно три модели конструкта «Я»: унитарная, дифференцированная, интегративная. *Унитарное* «Я» есть далее неделимое единое целое. У него отсутствуют компоненты и их связи, объединение и структура. *Дифференцированное* «Я» возникает, когда в нем выделяются компоненты. Оно противостоит унитарному «Я» подобно тому, как многообразие вступает в контраст с однообразием, но не выводит его на уровень целого. В *Интегративном* «Я» обозначаются компоненты, которые объединяются. Его главный признак – связность и внутренняя структура. Понятие интегративного «Я» позволяет приблизиться к постановке проблемы целостного «Я».

Интегративный тренд в конструкте «Я» является главной темой настоящей работы. Он берется одновременно в контрасте к унитарному «Я» и дифференцированному «Я». Когда «Я» рассматривается унитарно, вопрос о его внутренней структуре выпадает из поля внимания. Дифференцированному «Я» не хватает связности. Интегративное «Я» появляется, когда устанавливается его внутренняя структура. Движение в сторону именно интеграции в конструкте «Я» недостаточно изучено и нуждается в более глубоких исследованиях. Взгляд на «Я» как целое опирается на его недостаточно изученную связь с интегративным «Я».

Унитарное «Я»

К. Мартиндейл [23] отмечает, что представления об унитарном «Я» и его дифференциации конкурировали несколько столетий. В начале XIX в. доминировал взгляд И. Канта [6] на «Я» как унитарное. В конце XIX – начале XX вв. преобладали представления о субмодальностях «Я» [27; 28]. В середине XX в. опять возобладали унитарные подходы к «Я» [11; 25; 29].

Романтические представления об унитарном «Я» достигли апогея в XIX в., а его «остаточные» эффекты сохранили живучесть в наши дни. Но иллюзии унитарного «Я» теперь рушатся [16]. Действительно, может ли недифференцированное унитарное «Я» обуславливать разнообразные формы поведения, отношения с людьми и устанавливать с ними многообразные связи? [30]. Физиологические предпосылки в пользу унитарного «Я» тоже отсутствуют. Есть мозг, есть нейронная сеть, но никому еще не удалось обнаружить в мозге общий «центр управления» человеком и его поведением, центральный процессор. Сознание работает по типу нейронной сети и в параллельном режиме, потому что подобным образом работает мозг [40]. Если сознание оперирует подобно нейронной сети, как «Я» может функционировать унитарно? В.А. Петровский [7] относит взгляды на «Я» как унитарное и монолитное к области заблуждений.

Дифференцированное «Я»

Зарубежные исследования

Хотя оппоненты указывали на уязвимость унитарных представлений, лишь несколько десятилетий назад взгляды на «Я» с учетом выделения в нем компонентов вновь стали популярными [16; 18; 24].

Пожалуй, У. Джеймс [19] был одним из первых, кто ввел различия внутри «Я». Он обозначил его две ипостаси – знающее (I) и знаемое (me). Знающее «Я» (чистое эго) выступает в роли субъекта познания, Знаемое «Я» (эмпирическое «Я») – объектом познания. У. Джеймс выделил еще одну ипостась – «мое» (mine), то, что «Я» присваивает себе. Разграничение «me» и «mine» представлялось более сложной задачей, чем различия «I» и «me».

Дж. Г. Мид [26] выделял два полюса «Я». Один полюс отражает обобщенного «Другого», противоположный полюс – ответ на отношение обобщенного «Другого». Подобно У. Джеймсу, Дж. Г. Мид различал «me» и «I», но придавал им несколько иные значения. «I» есть ответ человека на отношения других людей; «me» – организованный набор отношений других, которые человек принимает на себя. В «me» интернализируются роли, происходящие от символических процессов типа лингвистического взаимодействия и игры. В «I» содержится «творческий ответ» на символические структуры «me», отображающие обобщенного «Другого».

Дж. Г. Мид [26] отмечал, что самосознание функционирует в рефлексивном режиме: человек может осознавать себя, наблюдать его, размышлять о нем, переживать. Благодаря рефлексивному самосознанию в «Я» вводится отношение, которым «Я» отделяет себя от себя: поэтому «Я» есть одновременно субъект и объект; субъект–объектное отношение. Модальности свидетельствуют о полярности «Я», а не о его противоречии. Субъект полагает объект, и «Я» полагает «не-Я». Опыт объ-

единяет субъекта с объектом, и модальности «Я» и «не-Я» объединяются в человеческом «Я». Так возникает основа для внутреннего диалога.

Попытки приблизиться к пониманию феномена дифференцированного «Я» предпринимали К. Мартиндейл [24], В. Богарт [13], Г.Дж.М. Херманс [18].

С позиций когнитивной теории К. Мартиндейл [24] определял субмодальность «Я» как когнитивную частицу, которая получает разнообразную информацию на входе (например, о ситуации, эмоциональном состоянии), а на выходе кодирует диспозиции к действиям других когнитивных частиц. Активация одних субмодальностей «Я» сопрягается с торможением соседних субмодальностей «Я».

Субмодальности «Я» имеют отношение к Я-концепции и семантической памяти. С Я-концепцией наиболее тесно связаны те субмодальности, которые с ней согласованы. Семантическая память кодирует значения Я-концепции, людей и ситуации в виде их прототипов. Одни субмодальности соотносятся с прототипом Я-концепции, другие – с прототипами людей и ситуации. У одних людей (консистентных) Я-концепция и ее субмодальности согласуются. У других людей (не консистентных) ситуация сильнее, чем Я-концепция, активируя субмодальности. В связи с этим выделяются реальное «Я» (оно соотносится с ментальными, закрытыми для постороннего наблюдателя, действиями) и социальное «Я» (оно соотносится с внешними, открытыми для постороннего наблюдателя, действиями).

Концепция К. Мартиндейла [23; 24] намечает континуум, на котором субмодальности «Я» нормальной и расщепленной личности занимают противоположные полюса. На одном полюсе континуума несколько субмодальностей имеют совместный доступ к одним и тем же диспозициям и действиям. Здесь субмодальности не дифференцируются. На противоположном полюсе того же континуума несколько субмодальностей имеют раздельный доступ к одним и тем же диспозициям, планам или действиям. На этом полюсе имеет место избыточная дифференциация субмодальностей, приводящая в пределе к расщеплению личности и ее склонности к диссоциативным состояниям. В среднем диапазоне континуума находятся субмодальности «Я» нормальной личности.

Дж. Ф. Кихлстром [20] тоже развивает когнитивную теорию «Я». Он рассматривает Я-концепцию как прототип и уподобляет его категориям. Категория – это общее понятие, которое относится к определенному классу явлений. Его отдельные члены, однако, не сводятся только к общему. Они могут обладать и уникальными особенностями. Если «Я» есть прототип, действующий как категория, тогда следует ожидать несколько, а не одно «Я». Человек имеет не монолитное унитарное «Я», а широкий набор контекстно-специфических «Я». Они организуются в иерархию. Ее вершиной служит абстрактное «Я»; оно обнаруживается в любых ситуациях, но не воспринимает их специфику. У основания иерархии возникают области и подобласти контекстно-специфических «Я». Возможно, существует также средний уровень, который обеспечивает баланс между богатством репрезентаций (информативность) и степенью дифференциаций (различимость).

Для многих психологов, развивающих гуманистическую традицию, модель субмодальностей «Я» мыслится как редукционистская и партикуляристская: она бросает вызов фундаментальным принципам холизма. Утверждается, что понимание «Я» как совокупности автономных единиц является не более, чем изобретением психотерапевтов. Понятие субмодальностей «Я», если и можно употреблять, то метафорически [15]. Тем не менее В. Богарт [13] сформулировал проблему субмодальностей «Я», трактуя их как субъективную реальность, а не метафоры.

Дискуссия о субмодальностях «Я» поднимает общий вопрос понимания целого. Небраска есть штат как целое? Если вы отвечаете «да», можно ли отделить Небраску от более широкого целого – США, или еще более широкого целого, как американский континент, планета, космос? Или любой компонент ниже уровня космоса следует рассматривать как нечто, подрывающее понятие целого? Понятие целого «Я», по мнению В. Богарта, является избыточно статичным и не всегда столь полезным, как некоторым представляется. Согласно В. Богарту [13], субмодальность «Я» есть отдельное, но характеризующее целое «Я» качество. Субмодальности «Я» выполняют функции действующих лиц, занимающих разные позиции. Субмодальность как действующее лицо может учиться, в чем-то принимать участие, функционировать совместно с другими действующими лицами, изменяться, участвовать в личностном росте. Субмодальности как действующие лица изменяются, модифицируются, достигают зрелости. Они являются динамическими, а не фиксированными или статичными образованиями.

Динамический взгляд на субмодальности «Я» позволяет определять вектор личностного роста. Он проходит по нескольким направлениям: (а) разблокировка субмодальностей, препятствующих личностному росту; (б) взаимодействия субмодальностей, (в) оценка зон рассогласования, принятия и согласия субмодальностей, (г) движение в сторону большей интеграции и целостности «Я».

Г.Дж.М. Херманс [18] делает акцент на том, что современные исследования «Я» опираются по преимуществу на две метафоры: компьютерную и повествовательную. Первая фокусирует внимание на способах организации знания, а «Я» рассматривается как устройство по обработке информации. Вторая метафора – диалогическая (полифоническая), Диалог предполагает у «Я» несколько модальностей (субмодальностей), например, Я-знающее (I) и Я-знаемое (Me), подобно У. Джеймсу [19]. Своеобразным прототипом диалогов внутри «Я» служат диалоги героев полифонических произведений Ф.М. Достоевского, о которых писал М.М. Бахтин [2]. Диалоги складываются из вопросов и ответов, согласий и несогласий. Диалоги внутри «Я» тоже возможны. Их обеспечивают модальности (субмодальности) «Я», которые отличаются позициями в ментальном пространстве и «голосами». Модальности могут выступать в позиции авторов и слушателей. Их голоса и «здесь» (где их источники), и «там» (куда они приходят). Голос (I) одной модальности рассказывает историю о себе другим модальностям (me). В итоге повествовательное структурирование «Я» обеспечивают диалоги его модальностей, имеющих разные позиции и голоса.

Отечественные исследования

Вряд ли проблема модальностей (субмодальностей) «Я» является популярной в отечественной общей психологии. Замешанная на идеях холизма, российская психология фокусирует внимание скорее на унитарном «Я», пусть даже выделяет в нем отдельные свойства. В некоторых работах, однако, намечаются важные теоретические предпосылки для постановки проблемы именно дифференцированного «Я», т. е. выделения в нем субмодальностей.

У Д.И. Дубровского [5] концепция «Я» является философской, но она содержит важные идеи для психологии. По Д.И. Дубровскому [5], «Я» обеспечивает персональность и целостность субъективной реальности. С другой стороны, ключевым признаком «Я» является раздвоение. Оно обнаруживается во многих аспектах, но главным является выделение в «Я» модальностей «Я» и «не-Я». Следуя диалектической логике, они рассматриваются одновременно как единые и противоположные. Модальности «Я» и «не-Я» образуют базисную структуру субъективной реальности, и эта структура является подвижной благодаря движению их содержаний. С одной стороны, у модальности «Я» есть свое содержание – ментальные представления личности о себе. У модальности «не-Я» тоже есть свое содержание – представления о людях, предметах, деятельности, мире. Модальность «Я» может усваивать содержания «не-Я», а в модальности «не-Я» могут присутствовать элементы содержания «Я». Обмен содержаниями между модальностями свидетельствует о том, что они могут переходить в свои противоположности. Биполярная структура субъективной реальности при этом не нарушается, поскольку одна модальность определяется через противопоставление другой и соотнесение с нею.

Отношения модальностей «Я» и «не-Я» развиваются и топологически. В терминах топологии «Я» раздваивается. Раздвоение можно выразить местоположением его полюсов, их направлением (векторами), движением (смещениями), силами, толкающими их на смещения. Значительный вклад в развитие топологических представлений о «Я» внес А.Ш. Тхостов [8], предприняв его феноменологический анализ. Внимание исследователя привлекают в «Я» модальности и их границы, обладающие способностью к смещениям.

Выделяются и разграничиваются в «Я» модальности «Я» и «не-Я». В классическом феномене зонда человек локализует свои ощущения не на границе руки и зонда (объективно разделяющей их), а на границе зонда и объекта (объективно разделяющей не его зонд и не его объекты). Так граница смещается в область «не-Я». Смещение совершается и при вторжении внешнего мира («не-Я») в «Я», производя в нем изменения. Граница «Я» и «не-Я» не совпадает с границей человеческого тела и мира как чисто физических объектов. Ментальная граница показывает, что содержания «Я» и «не-Я» являются гетерогенными, потому что они локализуются в разных сегментах ментального поля, пусть даже возможны их совмещения.

Другой вариант феноменологического анализа проходит по линии принадлежности, выделения в «Я» «моего» и «чужого», рассмотрения их взаимоотношений. Выражение «мое тело» содержит несколько смыслов. Оно локализуется вне «Я» и в этом смысле является «чужим». С другой стороны, это тело – «мое», принадлежит мне и потому не вполне чужое. При взаимодействиях с внешним миром «Я» идентифицирует себя с одними предметами и людьми (это «мое») и отчуждается от других (это «чужое»). Так же внутри «Я» одни предметы и люди – это «мое», другие предметы и люди – это «чужое», вплоть до патологии в виде состояний деперсонализации, дереализации, психического автоматизма. Иное сопротивляется «Я» и является чуждым ему, давая знать о себе своей упругостью,

плотностью, непрозрачностью. Если же в мире возникают оттенки понятного, знакомого, плотность снижается, и «Я» присваивает его себе. Мир становится «моим» и растворяется в моем «Я», утрачивая независимые от него качества.

Руководствуясь идеей свободной причинности, В.А. Петровский [7] исходит из того, что «Я» есть причина себя. Оно возвращается к себе, выявляет свою зависимость от себя, само определяет себя. Как причина, «Я» – это индивид, который отражает в себе качества субъекта активности. Выделяются ипостаси «Я», которые выражают аристотелевские причины: Имманентное, Идеальное, Трансцендентальное и Трансфинитное. Каждая ипостась может быть возведена в ранг причины себя. В совокупности же и благодаря переходам, ипостаси «Я» образуют круг причин в себе. Имманентное «Я» есть единство движущего и движущегося в спонтанной динамике бытия, то, из чего состоит, строит себя, рефлексивируется как самость. Идеальное «Я» представляет собой единство представляющего и представляемого, дано в самосозерцании. Идеальное «Я» есть причина себя в значении формальной причины, указывающей, по форме чего осуществляется что-либо. Идеально, человек имеет дело с самим собой как существующим в возможности, представляет собой единство мыслящего и мыслимого: «Я в мысли о себе». Трансцендентальное «Я» есть причина себя в значении действующей причины (одно производит другое). «Я мыслю» есть выдвижение им представления о мыслимом и мыслящем. Трансфинитное «Я» представляет собой единство переживающего и переживаемого, имеет значение целевой причины, переживание безграничности своего существования, полноты «присутствия» человека в мире. Переживание свободно от бремени выбора. Мысль, ставшая переживанием, не выбирает, где и когда ей быть, а просто есть в каждой точке пространства и времени.

Интегративное «Я»

В последние годы набирает силу тенденция к интеграции в исследованиях конструкта «Я». Психологи предлагают концептуализировать «Я» так, чтобы показать его как связную и структурированную организованную систему. В фокусе этого направления как дифференциация, так и системный взгляд на «Я». Связность (структура), многоаспектность (многомерность), многоуровневость (иерархия) единого «Я» – ключевые пункты анализа как системы и в плане интегративных предпосылок ее образования [32].

В рамках интегративного подхода полагается прежде всего, что «Я» есть система. Она складывается из некоторого количества базовых взаимосвязанных компонентов. В то же время слабо изученной остается проблема комплексации «Я» на основе множества компонентов и их дифференциации.

Интегративное «Я» противостоит дифференцированному «Я» – тем, что модальности, субмодальности, позиции, другие компоненты не только выделяются и различаются, образуя конгломераты, а также объединяются в когерентное целое. Это значит, что дифференциация и интеграция «Я» сосуществуют [33]. Возможно, они являются дополнительными. Вряд ли интеграция возможна, если не опирается на дифференцированное «Я». Ниже интеграция «Я» рассматривается в процессуальном и структурном планах.

Процессуальная интеграция конструкта «Я»

Процессуальный план интеграции выражается в динамическом взгляде на «Я»: возникновении единства через многообразные переходы от расслоения «Я» к его связности. Исследователи акцентируют внимание на механизмах интеграции: внутреннего диалога, движения от раздвоения к единому, перенаправления границ в области объединения и взаимодействия «Я» и «не-Я», некоторых других.

Аналитическая психология К.Г. Юнга [9] указывает на первостепенную важность индивидуальной психики и личного стремления к целостности. Под этим углом зрения прежде всего три понятия являются центральными: индивидуация, «Я» (self) и эго (ego). Индивидуация есть процесс (а не статическое состояние) самостановления человека (прежде всего во второй половине жизни) через интеграцию его сознания и бессознательного, выведения содержания бессознательного на уровень сознания. Индивидуация обеспечивает реализацию заложенных в человеке предрасположенностей. Так он становится уникальной и своеобразной индивидуальностью, обладающей самостью. Ее понимание далеко от индивидуализма или эгоизма и не противостоит коллективности.

«Я» и эго, по К.Г. Юнгу [9], обеспечивают индивидуацию, т. е. процесс, порождающий индивидуальность. «Я» и эго объединяют сознательные и бессознательные представления в единстве и целостности, когда и то, и другое сохраняют свои внутренние качества. Эго является центром сознательной идентичности, тогда как «Я» означает связное целое и служит центром всей личности, вклю-

чая сознание, эго и бессознательное. Для К.Г. Юнга «Я» возникает до эго; «Я» первично, и именно из него развивается эго. Эго является центром лишь поля сознания и представляет небольшую часть психики. «Я» характеризует всю психику, и сознание, и эго, и бессознательное. Представляя собой целое, «Я» обеспечивает их интеграцию. Тем самым с ощущением «Я» как сущего цель индивидуации достигается.

Таким образом, в модели К.Г. Юнга [9] индивидуальность человека складывается из «Я» и эго. Они соотносятся как целое и часть в его составе. «Я» как целое интегрирует бессознательное и сознание (эго), а эго встраивается в «Я» как его составная часть. Это процесс, открывающий единство и целостность «Я». Модель К. Г. Юнга – это один из вариантов решения проблемы интеграции «Я» в процессуальном плане. Вначале оно подвергается дифференциации, на этой основе затем совершается его интеграция. В результате образуется интегративное «Я».

Другой вариант процессуальной интеграции конструкта «Я» открывается в связи со временем, диахроническим и синхроническим режимами функционирования. На это обстоятельство обращает внимание Л. Тарнер [33]. Он показал, что люди обладают способностью переживать себя неодинаково в разные моменты времени. Поэтому правомерно выделять синхронные и диахронные измерения «Я». Тем не менее единое чувство «Я» остается. Оно существует в формате синхронности, но в ряде случаев и диахронно. Введение в анализ различий в способах существования «Я» в синхронном и диахронном форматах позволяет совершить переход от негибкой монолитной концепции единого «Я» к его пониманию в динамическом режиме.

Дж. Альтроки [12] отмечает, что проблема объединения «Я» в единый стабильный конструкт, преодолевая диахронный режим времени, является недостаточно изученной. Чувство единства противостоит многообразию «Я» и непрерывно в потоке времени. Говоря словами Дж. Роуэна [30], «Я» есть не одно и не много и не много внутри одного, но одно с потенциалом быть многим.

Структурная интеграция конструкта «Я»

Как отмечает И. Маркова [22], чтобы осмыслить «Я» процессуально, важно рассматривать его по отношению к структуре.

Гуманистические психологи Дж. Роуэн и М. Купер [30] постулируют идею о «Я», которое воспринимает, познает и сталкивается со своим миром с многих позиций и через множество голосов, но все еще удерживает и сохраняет свою когерентность. Дж. Альтрокки [12] определял признаком интеграции «Я» его сложность. Она зависит от числа аспектов, через которые человек получает информацию о себе, характеризуя степень их связности. Иначе говоря, интегративные модели показывают «Я» как систему.

Интегративные модели «Я» разрабатываются, в частности, в русле когнитивной психологии.

В основу модели В. Мичела и С.С. Морфа [34] положена идея о подобии функционирования Я-системы когнитивным процессам. Они опираются на коннекционистские модели, в которых переработка информации рассматривается как параллельный (в оппозиции к сериальному), одновременный (в оппозиции к последовательному), множественный (в оппозиции к единичному) процесс [31]. Ментальную репрезентацию объекта (или концепта) обеспечивает определенное количество простых единиц по переработке информации. Они распределяются по группам, которые подпитывают разные паттерны активации. Они могут представлять как возбуждение, так и торможение, обеспечивать связь информационных единиц с модификацией репрезентационной системы. При таком режиме переработки информации приобретает динамический характер, а нужда в центральной контролирующей инстанции исчезает.

Так же и Я-система: она перерабатывает относящуюся к ней информацию параллельно, одновременно, во многих аспектах. Ключевым становится вопрос не стержня «Я» как общей сущности, а некоторого множества связанных единиц. Именно они обеспечивают переработку информации одновременно. Основой Я-системы является фрагмент нейронной сети, в которой информация распределяется по нескольким параллельным потокам. Я-система, следовательно, должна иметь много и разнообразных способов выражения. Основными признаками ее организации являются интеграция, фрагментация, категоризация.

Коннекционистская метафора открывает путь к определению Я-системы как устройства по динамической переработке информации, относящейся к «Я». В ней выделяются две подсистемы: (1) «Я» как динамически организованная когнитивно-аффективно-исполнительная подсистема и (2) «Я» как подсистема, которой ментально репрезентируются межличностные отношения. В первой подси-

стеме «Я» соткано из мыслей и чувств, является источником мотивов и действий. Они не изолированы, а представляют собой взаимодействующие компоненты связной системы, состоящей из нескольких уровней. Я-система концептуализируется не по критерию коллекции ее атрибутов, а по критерию связности ментально-эмоциональных (когнитивно-аффективных) репрезентаций [31].

Вторую подсистему характеризуют социальный контекст и интерперсональное поведение. «Я» строится, подтверждается и обнаруживается внутри социальных интеракций, отвечает на социальные воздействия не столько реактивно и пассивно, сколько активно и инициативно. «Я» – это мотивированная, целенаправленная и саморегулирующаяся система. Она наделена исполнительскими функциями планирования, интерпретации, контроля поведения, переработки информации о «Я» и социальном мире. Главной особенностью «Я» является рефлексия. Она позволяет исполнять функции вербально и произвольно, хотя также оперирует невербально и в автоматическом режиме.

В. Мичел и С.С. Морф [34] обращают внимание еще на две подсистемы: «горячую» (имплицитную) и «холодную» (эксплицитную). В основе первой лежат эмоции, автоматизмы, импульсивность, реактивность. В основе второй – логика, разум, относящиеся к «Я» цели, ценности, ожидания, планы, контроль внимания, и т. п. «Холодная» и «горячая» подсистемы взаимодействуют, и относящееся к «Я» поведение является продуктом их совместного функционирования.

Кроме того, Я-система организована иерархически, и ее подсистемы распределяются по уровням. Разноуровневые подсистемы перерабатывают информацию в параллельном, интерактивном и дополнительном режимах.

В последние десятилетия прогресс в исследованиях «Я» связан с различением в нем эксплицитного и имплицитного уровней [10; 17]. Они не сводятся друг к другу, а являются дополнительными, поскольку расходятся по своим особенностям и влияниям на человека.

А.Г. Гринвальд и М.Р. Банай [17] рассматривают имплицитное «Я» как важный аспект имплицитного социального познания. Они предложили следующее операциональное определение имплицитного «Я»: интроспективно неопределяемый (или неточно определяемый) эффект самоотношения, возникающий при оценивании ассоциированных и неассоциированных с «Я» объектов. Неосознаваемые саморепрезентации сильно нагружены аффективными и мотивационными элементами и смещены к позитивной валентности [10; 17].

Эксплицитный уровень «Я» предполагает обращение к интроспекции и самоотчетам, основанным на вербальных данных, имплицитный уровень «Я», наоборот, предполагает не прямые, невербальные свойства. Интеграция «Я» означает объединение его имплицитного и эксплицитного уровней.

Л.Я. Дорфман построил модель полимодального «Я» на эксплицитном уровне [3; 4]. В ней выделились четыре субмодальности: Авторская, Воплощенная, Превращенная и Вторящаяся. Авторское «Я» выражает позицию автора, инициатора, деятеля; Воплощенное «Я» – реформатора, покорителя, обладателя; Превращенное «Я» – человека понимающего, терпимого и принимающего людей такими, какие они есть. Вторящее «Я» выражает позицию последователя, подражателя, исполнителя. Субмодальности дискретны, противостоят друг другу, ориентируются на исполнение разных ролей.

Л.Я. Дорфман [4] показал функциональную неэквивалентность субмодальностей в полимодальном «Я». Одни могут быть «общими», другие – «дискриминантными». «Общие» субмодальности указывают на интеграцию полимодального «Я», «дискриминантные» субмодальности, наоборот, на их диверсификацию. Функцию общих субмодальностей выполняли Авторское «Я» и Вторящее «Я». Функцию дискриминантных субмодальностей выполняли Превращенное «Я» и Воплощенное «Я».

От интеграции к целостному «Я»

Интегративное «Я» противостоит унитарному «Я» и опирается на дифференцированное «Я». С другой стороны, понятие интегративного «Я» позволяет поставить проблему его отношений с целостным «Я». Они не тождественны, поскольку внутренняя структура (интегративное «Я») не замещает и не восполняет параметры «Я» как целого. Их отношения в чем-то похожи на конфликт между ощущениями и восприятием. Описание яблока в терминах свойств не приводит к его реконструкции как целого. Поэтому описание целостного «Я» требует иных понятий, чем характеристика интегративного «Я». Вместе с тем оно представляет собой движение и важный шаг к целостному познанию «Я». Но отношения интегративного «Я» и целостного «Я» практически не изучались.

Не претендуя на полноту анализа, на подступах к решению этой проблемы предлагается интегративное «Я» рассматривать как *внутреннюю* структуру, а целостное «Я» – как *внешнюю* структуру. В последнем случае подразумеваются не внешние средовые факторы, находящиеся за рамками сферы

непосредственного существования целостного «Я», а его собственные свойства и признаки, например, степень целостности, уникальность, выраженность, стабильность, изменчивость, вариативность. Целостное «Я» не является унитарным и не складывается из субмодальностей, но вступает в отношения и образует систему в единстве с интегративным «Я».

Заключение

Выполнен анализ интегративного тренда в исследованиях конструкта «Я». Рассмотрены три модели: унитарное «Я», дифференцированное «Я», интегративное «Я». Обозначалось движение от интеграции к целостному «Я».

Унитарное «Я» составляет одно нерасчлененное целое. Дифференцированное «Я» возникает, когда в нем выделяются компоненты. В интегративном «Я» не только выделяются компоненты, а также их связность. Предлагается интегративное «Я» рассматривать как *внутреннюю* структуру, а целостное «Я» – как *внешнюю* структуру. В последнем случае подразумеваются не внешние средовые факторы, находящиеся за рамками сферы непосредственного существования целостного «Я», а его собственные свойства и признаки. Целостное «Я» вступает в отношения и образует общую систему с интегративным «Я».

Шаг вперед сделан при переходе от унитарного «Я» к исследованиям дифференцированного «Я», а затем интегративного «Я». Так приближается понимание целостного «Я» и в значительной степени разрешается проблема разобщенности его компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аронова Е.А., Моросанова В.И. Типологическая структура самосознания и саморегуляции у старшеклассников // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008, Т. 1, № 1, С. 37–44.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: АСТ, 2024. 448 с.
3. Дорфман Л.Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Под ред. Л.Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. С. 96–123.
4. Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Общие и дискриминантные переменные Я-концепции // Интегративная перспектива, 2016. № 1. С. 50–68.
5. Дубровский Д. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. 232 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2018. 567 с.
7. Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144.
8. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология, 1994. № 2. С. 3–13; № 3. С. 3–12.
9. Юнг К.Г. Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008. 478 с.
10. Aidman E.V. Measuring individual differences in implicit self-concept: initial validation of the self-apperception test. *Personality and Individual Differences*, 1999, V. 27, pp. 211–228.
11. Allport G.W. Pattern and growth in personality. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1937. 593 p.
12. Altrocchi J. Individual differences in pluralism in self-structure. In J. Rowan and M. Cooper (Eds.) *The Plural Self: Multiplicity in Everyday Life*. London: Sage Publications, 1999, pp. 168–182.
13. Bogart V. Transcending the dichotomy of either 'subpersonalities' or 'an integrated unitary self'. *Journal of Humanistic Psychology*, 1994, V. 34, 2, pp. 82–90.
14. Deci E. L., Ryan R. M. Motivation, personality, and development within embedded social contexts: An overview of self-determination theory. In R.M. Ryan (Ed.), *Oxford handbook of human motivation* (pp. 85-107). Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.
15. Frick W.B. The subpersonalities controversy: A reply to my critics. *Journal of Humanistic Psychology*, 1995, 35, V. 1, pp. 97–102.
16. Gergen K.J. Singular, socialized, and relational selves. In I. Lubek, R. van Hezewijk, G. Pheterson, Ch. Tolman (Eds.), *Trends and issues in theoretical psychology* (pp. 25-32). New York: Springer, 1995.
17. Greenwald A.G., Banaji M.R. Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes // *Psychological Review*, 1995, V. 102, No. 1, pp. 4–27.
18. Hermans H.J.M., Hermans-Konopka A. Dialogical self theory: Positioning and counter-positioning in a globalizing society. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. 392 p.
19. James W. The principles of psychology (Vol. 1). London: Macmilan, 1890/1902. 1618 p.
20. Kihlstrom J.F., Marchese-Foster L.A., Klein S.B. Situating the self in interpersonal space. In U. Neisser, & D.A. Jopling (Eds.), *The conceptual self in context. Culture, experience, self-understanding* (pp. 154–175). Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

21. Koole S.L., Coenen L. Implicit self and affect regulation: Effects of subliminal self-activation and action orientation in an affective priming task // *Self and Identity*, 2007, pp. 118–136.
22. Markova I. Knowledge of the self through interaction. In K. Yardley and T. Honess (Eds.) *Self and Identity: Psychosocial Perspectives* (pp. 65–80). John Wiley and Sons Ltd, 1987.
23. Martindale C. Subselfs: The internal representation of situational and personal dispositions. In L. Wheeler (Ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 1, pp. 193–218). Beverly Hills: Sage, 1980.
24. Martindale C. *Cognition and consciousness*. Homewood, Illinois: Dorsey, 1981. 462 p.
25. Maslow A. *Toward a psychology of being*. New York: Van Nostrand, 1968. 240 p.
26. Mead G.H. *Mind, self, and society*. Ed. C.W. Morris. Chicago: University of Chicago, 1934. 437 p.
27. Prince M. *Clinical and experimental studies in personality*. Cambridge, Mass.: Sci-Art, 1929. 559 p.
28. Ribot T. *The diseases of personality*. Chicago: Open Court, 1895. 171 p.
29. Rogers C.R. The emerging person: A new revolution. In R. I. Evans, Carl Rogers: *The man and his ideas* (pp. 147–175). New York: Dutton, 1975.
30. Rowan J., Cooper M. (Eds.) *The plural self: Multiplicity in everyday life*. London: Sage Publications, 1999. 278 p.
31. Rumelhart D.E., Hinton G.E., McClelland J.L. A general framework for parallel distributed processing (pp. 45–76). Cambridge: MIT Press, 1986.
32. Showers C.J., Zeigler-Hill V. Organization of self-knowledge: Features, functions, and flexibility. In M.R. Leary, J.P. Tangney (Eds.), *Handbook of self and identity* (pp. 47–67). New York, London: The Guilford Press, 2003.
33. Turner L. *Theology, psychology, and the plural self*. Cambridge University, UK: Ashgate, 2008. 238 p.
34. Mischel W., Morf C.C. The self as a psycho-social dynamic processing system: A meta-perspective on a century of the self in psychology. In M. Leary, J. Tangney (Eds.), *Handbook of self and identity* (pp. 15–43). New York: Guildford Publications, 2003.

Поступила в редакцию 24.01.2024

Дорфман Леонид Яковлевич, доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры»
614045, Россия, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 18
E-mail: dorfman07@yandex.ru

L. Ya. Dorfman

INTEGRATIVE TREND IN RESEARCH OF THE SELF-CONSTRUCT

DOI: 10.35634/2412-9550-2024-34-2-130-138

The article presents a review of the research of the self-construct from the standpoint of holistic human knowledge. This concept as a whole is not sufficiently studied and it has not been considered earlier in comparison with the approaches that ignored the self-construct as a structured whole. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the ideas of integration as a consistent movement towards understanding the self-construct as a whole, on the one hand, and overcoming simplified and fragmented views of the self-concept, on the other hand, are shown. According to the results of the analysis of foreign and domestic studies, three directions in the research of the self-concept are distinguished: unitary, differentiated, integrative. The unitary direction considers the self as a whole and further indivisible. The differentiated approach is focused on the allocation of the components of the self-construct, but overlooks their interrelationship. The integrative trend is promising, which allows us to overcome the vulnerability of unitary representations of the self, as well as to supplement differentiation with ideas about the integration of its components. It is proposed to understand the integrative self as the most promising in the research of the self-construct. This approach ensures the removal of the disunity of its models, which arise in the course of unitary and differentiated views of the self-construction. On the basis of the integrative self the ideas about the integral self are developed.

Keywords: unitary self, differentiated self, integrative self, system approach, holistic self.

Received 24.01.2024

Dorfman L. Ya., Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Humanities
Perm State Institute of Culture
Gazety Zvezda st., 18, Perm, Russia, 614045
E-mail: dorfman07@yandex.ru